

Косовский конфликт в балканском политическом контексте

Алла ЯЗЬКОВА

Эволюция кризисной ситуации в Косово и вокруг него подтверждает тот очевидный для международных наблюдателей факт, что косовский конфликт еще далек от окончательного разрешения, как далеки и перспективы мира и стабильности в Балканском регионе. В 1998 г. наиболее опасные этапы косовского кризиса (февраль — март и октябрь), как правило, завершались выработкой компромиссных формальных и неформальных соглашений, в основу которых были положены взаимные уступки сторон. Но это не снимало, а лишь временно приглушало остроту противоречий, представляющих потенциальную угрозу европейскому миру. Военная акция НАТО против Югославии, начавшаяся в конце марта 1999 г., привела к превращению косовского конфликта в международный.

Кризис вокруг Косово оказывает непосредственное воздействие на внутрибалканскую ситуацию, чреватое опасными последствиями. По оценке директора белградского Центра стратегических исследований В. Векарича, косовский конфликт представляет собой потенциальный очаг общепалканской войны, в которую в случае ее возникновения неизбежно будут вовлечены Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория), Албания, возможно — Македония и Греция, а также Турция, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для мира в Европе. Но и сейчас, замечает он, неразрешенный косовский конфликт порождает и усиливает почти все опасности и тревоги, с которыми столкнулся балканский мир после окончания «холодной войны», — от межэтнических конфликтов, терроризма и нарушений прав человека до неконтролируемых миграций, торговли наркотиками, разрастания криминальных структур¹.

С учетом сказанного представляется необходимым рассмотреть косовскую проблему в ее региональном, общевосточном аспекте, обозначив основные этапы ее эволюции в 90-е годы, а также раскрыть специфику интересов и позиций восточных государств, в наибольшей степени затронутых косовским кризисом. «Албанский вопрос» как одна из ключевых проблем нынешнего конфликта на территории Косово в настоящей главе детально представлен не будет, так как его рассмотрению посвящена глава 2.

Исторический опыт взаимоотношений восточных государств в XX в.

В контекст европейских и международных событий XX в., а также в соответствующие представления современников Балканы неизменно вписывались как негативно окрашенная геополитическая сфера. Уже сам термин «Балканы» зачастую подразумевал характеристику этого региона как «порохового погреба» или «уязвимого подбрюшья» Европы. Подобного же рода негативная окраска присуща и получившему широкое хождение в XX в. понятию «балканизация». По оценке известного югославского аналитика и публициста Р. Петковича, балканизация — это состояние постоянного конфликта между восточными государствами по поводу территорий и непрерывная атомизация Восточного региона². К этой характеристике можно добавить фактор многолетней своекорыстной «игры» крупных европейских и мировых держав на противоречиях между восточными государствами.

Как и почему возникли эти негативные стереотипы и породившие их объективные реалии? Каковы их исторические рамки и возможные пути стабилизации положения в Восточном регионе? Ответы на эти и другие связанные с ними вопросы позволяют глубже понять причины, современный характер и дальнейшую эволюцию кризисной ситуации в Косово в новых историко-политических условиях на рубеже XXI в.

Многие из нынешних сложных проблем стратегически важного и густонаселенного Восточного региона (общая численность проживающего в его географических рамках населения составляет около 50 млн человек) носят объективный характер. На Балканах издавна происходило соприкосновение православия, католицизма и ислама, неоднократно выливавшееся в острые религиозные конфликты. Этническая карта Балкан по пестроте не сопоставима ни с одним другим европей-

ским регионом (за исключением, пожалуй, Кавказа), что стало результатом множественных массовых миграций разнородных этнических групп в течение последних двух тысячелетий. Находясь на протяжении веков под властью Османской и Австрийской (затем Австро-Венгерской) империй и ощущая на себе постоянное, хотя и осуществлявшееся в различных формах воздействие политики Российской империи, народы Балканского полуострова формировались в условиях противоречивых культурно-политических влияний. Наконец, в XX в. на Балканах произошло мощное столкновение порожденных западной цивилизацией политических идеологий — коммунизма, фашизма и национализма³, что еще более усилило конфликтный потенциал региона.

Многие из ныне свойственных Балканам проблем и их характеристик уходят корнями в прошлое. Это и исторически сложившаяся многоэтничность, и позднее формирование наций и государств, и многократная насильственная перекройка границ, и длительная борьба против иноземного господства и, как следствие всего этого, затяжная экономическая отсталость.

Применительно к бывшей Югославии обнаружились и издержки заимствованного из советской практики административного деления, при котором в основу территориального разграничения был положен принцип более или менее компактного расселения титульных наций. Границы между союзными республиками устанавливались произвольно, а некоторые этнические группы, например, албанцы, изначально были поставлены в этом плане в неравноправное положение. Сложный характер взаимоотношений между коммунистическими партиями Югославии и Албании в годы войны и в послевоенный период также оказал непосредственное воздействие на развитие конфликта вокруг Косово.

Характерной чертой международного развития балканских государств всегда была их зависимость от крупных европейских держав, которые после обеих мировых войн также решали крайне болезненные для них вопросы об установлении либо изменении государственных границ. Территориальный передел обострял межгосударственные противоречия, а после второй мировой войны к этому добавилось блоковое противостояние. В годы «холодной войны» Балканский полуостров представлял собой мир в миниатюре: расположенные на нем государства входили в НАТО (Греция и Турция), Организацию Варшавского Договора (Румыния и Болгария), Движение неприсоединения

(Югославия) либо оставались в самоизоляции (Албания — единственная европейская страна, не подписавшая в 1975 г. Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ).

Крушение авторитарных и тоталитарных режимов в Болгарии, Румынии, Албании и прекращение блокового противостояния внесло кардинальные изменения в расстановку сил на Балканах. Внимательный наблюдатель не мог не заметить по крайней мере двух характерных черт балканской ситуации конца 80-х — начала 90-х годов: возрастания самостоятельности стран региона и их одновременного «сползания» в острый экономический и политический кризис, усиления нестабильности и конфликтности, эскалации национализма и межэтнических противоречий вплоть до призывов к пересмотру границ. После распада Югославии и начала военных действий между ее бывшими республиками региональные кризисы стали реально угрожать миру в Европе. Нынешнее противостояние на территории Косово и вокруг него представляется особенно опасным не только в силу заложенного в нем потенциала этнической непримиримости и конфликтности, но и ввиду возможностей его неконтролируемой эскалации на Европу и другие прилегающие к ней регионы.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации и выявить возможности регулирования балканских кризисов, многие аналитики задаются вопросом: так ли уж исконна непримиримость многочисленных этносов и культур в этом регионе, как об этом твердят противостоящие друг другу стороны? Существовали ли у них общие исторические корни и предпринимались ли ими попытки совместных действий? И, что особенно важно для постепенного ослабления напряженности вокруг Косово, на какой основе возможно «примирение» населяющих этот край албанцев и сербов?

В свете этих вопросов представляется весьма интересным суждение известного итальянского исследователя балканских проблем С. Бьянкини. Вопреки распространенным представлениям он выдвигает обоснованный, на наш взгляд, тезис об общности исторического прошлого балканских народов и их сходных по характеру культуре и цивилизационной основе⁴. Об этом же в свое время писал крупнейший румынский историк Н. Йорга, отмечавший, что по одежде, орнаментации, домашнему убранству и архитектуре, методам ведения сельского хозяйства, обычаям и суевериям, образу мыслей и чувств, музыкальным мелодиям балканские народы «абсолютно идентичны»⁵.

На протяжении веков народы балканского региона были объединены идеями и практикой национально-освободительной борьбы против османского господства. Не случайно поэтому на различных этапах истории возникали попытки их многостороннего сотрудничества, и даже проекты федеративного объединения, в пользу чего активно высказывались балканские лидеры — Светозар Маркович, Христо Ботев, Димитр Благоев. Для обсуждения одного из таких проектов по инициативе Д. Благоева в 1910 г. была созвана конференция социал-демократических партий балканских стран, что, впрочем, не помогло предотвратить Балканские войны 1911—1912 гг. и 1913 г. В межвоенные годы была предпринята попытка создания блока балканских государств — Балканской Антанты, объединившей Румынию, Югославию, Грецию и Турцию, но оставившей в изоляции Болгарию и Албанию. Раздираемая внутренними противоречиями и постоянно подвергавшаяся напisku извне, Балканская Антанта не способствовала предотвращению военного конфликта на Балканах и распалась в 1940—1941 гг. Наконец, в годы второй мировой войны и сразу после ее окончания при участии британской дипломатии разрабатывались планы создания Балканской федерации в составе Югославии — Греции, Югославии — Болгарии — Албании, которые встретили резкое противодействие И. Сталина и не были реализованы из-за разногласий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции⁶. Федеративным планам не способствовало и нарастание противоречий между самими балканскими государствами в связи с территориальными спорами в процессе послевоенного мирного урегулирования⁷.

Новый этап межбалканского сотрудничества наступил после подписания в Хельсинки Заключительного акта СБСЕ в 1975 г. В январе — феврале 1976 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Греции К. Караманлиса состоялась встреча экономических экспертов Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии, на которой обсуждались перспективы сотрудничества в сфере промышленности и торговли, организации научных и культурных обменов, туризма, транспорта, медицины. Вопросы политического сотрудничества на встрече официально не рассматривались из-за резкого противодействия тогдашнего советского руководства, опасавшегося создания на Балканах «замкнутых политических блоков». Тем не менее встреча в Афинах стала своеобразным преломлением «духа Хельсинки» и прологом последующего преодоления блокового противостояния на Балканах.

Согласно принятым на встрече в Афинах рекомендациям в конце 70-х — начале 80-х годов прошли совещания отраслевых ведомств в Анкаре (1979 г.), Софии (1981 г.), Бухаресте (1982 г.), Белграде (1984 г.). В январе — феврале 1984 г. в Афинах состоялась встреча экспертов по вопросам создания на Балканах зоны, свободной от ядерного оружия, однако это не привело к принятию конкретных решений из-за неопределенности самого статуса безъядерных зон⁸.

Дальнейшим существенным шагом к оздоровлению обстановки в регионе стала первая в его истории встреча министров иностранных дел всех балканских государств включая Албанию, прошедшая в Белграде в феврале 1988 г. В ходе предшествовавших встрече переговоров был сделан ряд существенных шагов в сторону сближения балканских государств. Так, было прекращено — более чем через 40 лет после окончания второй мировой войны! — формальное состояние войны между Грецией и Албанией, наметились сдвиги в обсуждении двусторонних проблем в болгаро-турецко-греческих отношениях. Болгария и Греция, еще принадлежавшие к противостоявшим друг другу военно-политическим блокам, стали налаживать тесное сотрудничество, в том числе и в военной сфере. Практически все участники межбалканского сотрудничества высказались в пользу преодоления его замкнутого характера, за налаживание совместных или скоординированных связей с западными странами и их интеграционными группировками.

С 1988 по 1990 гг. проводились регулярные встречи министров иностранных дел всех балканских стран, что способствовало ослаблению их внутренних, в том числе и межэтнических противоречий. На состоявшейся в октябре 1990 г. встрече в Тиране отмечалось в качестве своеобразного политического парадокса, что в век многосторонней дипломатии главы государств и правительств балканских стран ни разу не встречались, хотя их интересы намного ближе, чем, например, интересы лидеров стран «третьего мира», проводящих регулярные встречи⁹.

Подводя итоги этому этапу межбалканского сотрудничества, нельзя не заметить, что его активизации, особенно во второй половине 80-х годов, способствовало постепенное размытие национальных, идеологических и блоковых барьеров в отношениях между самими балканскими странами и в их контактах с Западом. Далеко не последнюю (если не главную) роль в этом процессе сыграл сформировавшийся на этапе горбачевской перестройки новый характер отношений СССР с государствами Восточной и Западной Европы.

Однако в конце 80-х годов межбалканское сотрудничество вступило в полосу кризиса. Крушение коммунистических режимов сопровождалось сложными и противоречивыми процессами, возрождением националистических идей и лозунгов. Американский исследователь С. Лэррэби еще до начала вооруженного конфликта в Югославии отмечал в этой связи, что главная угроза европейской безопасности теперь исходила уже не от советского блока, а от межэтнических конфликтов и политической фрагментации самого балканского региона¹⁰. Об этом писал и греческий исследователь Т. Кулумбис, по мнению которого два главных очага нестабильности в балканском регионе в начале 90-х годов — это эскалация межэтнических и территориальных противоречий и ослабление взаимного доверия как следствие ликвидации биполярных структур времен «холодной войны»¹¹.

Наступившие в результате распада советского блока перемены обозначили, таким образом, новую расстановку сил в балканском регионе. Тем не менее нельзя не подчеркнуть положительное значение предшествующего этапа конструктивного сотрудничества балканских государств, опровергнувшего представления о «непримиримости» их национальных интересов и идеологий.

Главным дестабилизирующим фактором балканской политики начала 90-х годов стал распад СФРЮ как результат крушения коммунистического режима и роста националистических настроений в руководящих слоях ее бывших союзных республик. В силу ряда причин уже в конце 80-х годов все ранее существовавшие противоречия между ними и всё многообразие их политических интересов трансформировались в этнополитические конфликты, а «национальные интересы» возобладали над интересами политических групп и индивидуума¹².

Суверенизация республик проходила в условиях нарастающей дискриминации и нарушений прав национальных меньшинств. Одними из первых дискриминации были подвергнуты косовские албанцы, лишившиеся после 1989 г. большей части ранее предоставленных им автономных прав. Уже в начале 90-х годов ситуация в Косово стала приобретать взрывоопасный характер как вследствие усилившейся внутренней напряженности, так и в результате резкого ухудшения отношений между Сербией и Албанией. Межнациональный конфликт на территории Косово стал, таким образом, не только одним из первых, но и в силу ряда обстоятельств одним из самых сложных на Балканах, постепенно вовлекая в противостояние другие страны этого беспокой-

ного региона. На позиции конфликтующих сторон оказывали воздействие как реальные факторы, так и укоренившиеся в сознании поколений албанцев и сербов мифологемы, реанимируемые их радикальными научными и политическими элитами.

Еще накануне распада СФРЮ сербские ученые выдвинули идею «этнически обоснованных границ». Один из наиболее активных ее пропагандистов академик Д. Чосич, впоследствии избранный на пост президента СРЮ, в марте 1991 г. заявил в открытом письме Конгрессу сербской интеллигенции о «свободе и правах сербов защищать свою духовную, культурную и историческую идентичность, *независимо от временных республиканских границ внутри Югославии*» (курсив мой. — А. Я.)¹³. В апреле того же года в подготовленной на этой основе программной «Декларации сербского национального единства» было заявлено базовое требование: «Единое государство для всех сербов»¹⁴.

Тем самым возрождались идеи «Великой Сербии», в рамках которых при участии президента Сербской академии наук А. Деспича разрабатывались проекты раздела Косово и выселения из края сотен тысяч албанцев. Известно также, что С. Милошевич с конца 80-х годов был лично причастен к развязыванию антиалбанских кампаний в прессе¹⁵.

Подобного рода планы конструировались и албанской стороной. В феврале 1992 г. видный интеллеktуал из числа косовских албанцев Р. Чосья заявил, что разрешение албанского вопроса посредством объединения всех албанцев должно устранить одну из величайших несправедливостей в Европе¹⁶. «Албанская нация разорвана на пять частей (Албания, Косово, Македония, Черногория и Греция), но сегодня возникли новые условия для решения великой национальной задачи», — заявлял Р. Чосья¹⁷.

Публичные заявления идеологов албанского и сербского национализма выносили полемику на международный уровень и способствовали размежеванию позиций самих балканских государств, а также евро-атлантического сообщества и России. Как справедливо подметил ныне проживающий в США югославский писатель и диссидент М. Михайлов, в своем подходе к проблемам Югославии международное сообщество с самого начала руководствовалось мифами и идеями, противоречащими друг другу, что было чревато недальновидностью решений, принимаемых в отношении этого разнообразного, но глубоко взаимозависимого региона¹⁸.

Не менее опасной была перспектива эскалации общебалканской нестабильности, ставшая очевидной после того, как обнаружилось, что вслед за призывами к пересмотру границ Сербии и Албании могут последовать такого же рода попытки со стороны других балканских государств. Их многостороннее сотрудничество, сформировавшееся в 70—80-е годы, подверглось в новых условиях серьезному испытанию. Как справедливо отмечает президент Греческого фонда европейской и внешней политики Т. Веремис, повсеместный взрыв «национализмов» не способствовал их взаимодействию. «Национализмы» несовместимы, подчеркивает он, и если одно государство проявляет национализм против другого, то оно получает в ответ ту же реакцию ¹⁹.

Сербско-албанское противостояние вокруг Косово, послужившее иллюстрацией к этому высказыванию, превратилось в силу ряда обстоятельств в один из самых сложных конфликтов на Балканах. Во второй половине 90-х годов оно стало серьезным фактором, постоянно провоцирующим региональную нестабильность.

Взаимоотношения стран Балканского региона в 90-е годы

После начала вооруженных конфликтов на территории распадавшейся Югославии опасность их «расползания» на другие районы Балканского полуострова привела к изменению расстановки сил в регионе. На предшествующих этапах основными линиями противостояния на Балканах были: румыно-венгерский конфликт по поводу принадлежности исторической области Трансильвания и положения проживающего в ней почти двухмиллионного венгерского населения; болгаро-югославо-греческий спор вокруг так называемого македонского вопроса; болгаро-турецкий конфликт, обусловленный грубейшей дискриминацией режимом Т. Живкова проживающих в южных районах Болгарии этнических турок; приграничные проблемы в отношениях между Албанией и Грецией; наконец, постоянная напряженность между Югославией и Албанией в связи албанским населением Косово. Большинство этих проблем было обусловлено неоднородным составом населения балканских государств и проживанием в их приграничных районах значительных национальных меньшинств, этническая родина которых находится в сопредельных странах ²⁰.

Распад СФРЮ и вооруженные конфликты на ее территории послужили причиной появления острых противоречий, на этот раз между бывшими союзными республиками, а также в самих этих республиках — по поводу дискриминации национальных меньшинств. Вплоть до середины 90-х годов, пока военными действиями были охвачены Хорватия и Босния и Герцеговина, конфликт в Косово переживал стадию внутреннего развития. Но уже тогда высказывались опасения по поводу возможности выхода конфликта за пределы Югославии в случае применения сербским руководством силы против албанского населения Косово.

Большинство балканских государств попыталось в условиях возросшей нестабильности обезопасить себя посредством нормализации отношений с соседями. Важным стимулом, обусловившим казавшееся ранее недостижимым «историческое примирение» между Румынией и Венгрией, Болгарией и Турцией стала также перспектива разноскоростного вовлечения стран региона в трансатлантические и западноевропейские интеграционные группировки — НАТО и ЕС.

В начале 90-х годов с инициативой заключения двусторонних соглашений, которые должны были гарантировать нерушимость границ и продемонстрировать намерение развивать добрососедские отношения на Балканах, выступила **Болгария**. В октябре 1991 г. она заключила с Грецией Договор о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и безопасности сроком на 20 лет. В декабре того же года был подписан «Софийский документ» о мерах по обеспечению доверия, безопасности и военных контактах между Болгарией и Турцией, дополненный заключенным в мае 1992 г. двусторонним Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве²¹. Вопреки исторически сложившимся противоречиям Болгария стала также первым государством, признавшим в декабре 1992 г. независимость Македонии.

В первой половине 90-х годов Болгария заключила двусторонние договоры с Румынией и Албанией, заявив о «равностороннем» подходе к развитию отношений со всеми государствами — наследниками СФРЮ, но на практике более активно сотрудничая с Македонией и отчасти с Хорватией и Словенией²².

Избирательный подход к развитию отношений с постюгославскими государствами был характерен и для других балканских стран: Греция и Румыния поддерживали наиболее активные контакты с СРЮ (Сербией), Турция — с Боснией и Герцеговиной, Македонией и Алба-

нией, Албания — с Турцией и Македонией²³. В 1992 г. был заключен албано-турецкий договор о военном сотрудничестве, тогда же Албания вступила в Организацию «Исламская конференция» в расчете на получение поддержки исламских государств, в том числе и в косовском вопросе²⁴.

Что касается **Греции**, то ее традиционная роль инициатора и организатора процессов межбалканского сотрудничества в первой половине 90-х годов существенно ослабла, и сегодня греческие политологи характеризуют этот период как «время упущенных возможностей»²⁵. В значительной мере это объяснялось «заикленностью» греческого правительства и руководства правящей партии ПАСОК на проблемах государственной символики и названия Македонии, которую греческая сторона до середины 90-х годов отказывалась признавать²⁶. В первой половине 90-х годов из-за ухудшения положения национальных меньшинств по обе стороны албано-греческой границы обострились также и отношения между Грецией и Албанией. Особенно острый характер «проблема Северного Эпира» в албано-греческих отношениях приобрела летом 1993 г., когда тогдашний премьер-министр Греции К. Мицотакис напрямую увязал вопросы о необходимости предоставления автономных прав национальным меньшинствам в южных районах Албании и в Косово²⁷. Сам же косовский вопрос рассматривался в этот период греческими политиками в основном в связи с проблемой «турецкого проникновения» на Балканы и с расширением конфессиональных связей Турции с албанским населением Косово и Македонии, равно как и самой Албании.

Балканская политика Греции приобрела более сбалансированный характер после прихода в 1996 г. к власти правительства Константиноса Симитиса, которое в дальнейшем многое сделало для нормализации отношений с Албанией, заключив с ней в марте 1996 г. Договор о взаимопомощи и сотрудничестве.

Сама же **Албания**, предпринимая шаги в сторону нормализации отношений со странами Балканского региона, в середине 90-х годов стала тем не менее первым и единственным государством, официально признавшим «теневое правительство» Косово и поддержавшим требование албанского населения Македонии о предоставлении автономии. При поддержке албанской стороны конституированная в Загребе (Хорватия) Ассамблея Косово провела в мае 1991 г. выборы президента, которым стал И. Ругова. В сентябре того же года состоялся подпольный

референдум, провозгласивший Косово «суверенным и независимым государством»²⁸.

В октябре 1991 г. был создан Координационный совет албанских политических партий бывшей Югославии, объединивший албанские политические группы в Сербии и Косово, Черногории и Македонии. И хотя официально Албания не принимала участия в деятельности этого органа, контакты его лидера И. Руговы с тогдашним политическим руководством Албании были, по оценкам международных наблюдателей, очевидными²⁹. Все это не способствовало улучшению отношений Албании с Сербией и настораживало правительства Македонии и Черногории, где проживает значительное число этнических албанцев³⁰. В этих условиях на первый план постепенно выходила косовская проблема, образуя замкнутый круг противоречий, основанный на нежелании белградского руководства своевременно принять конструктивные решения и ответных действиях албанских лидеров.

Исходя из этого, итальянский исследователь Р. Спано оценивал ситуацию в Косово как одну из наиболее сложных и запутанных проблем Балканского региона в 90-е годы. По его мнению, дальнейшее нарастание противоречий, связанных с проживанием в рамках одного государства сербов и албанцев, албанцев и македонцев, в перспективе может привести к пересмотру ряда внутрибалканских границ. Именно поэтому, как полагал Р. Спано, положение в Косово стало в 90-е годы центральным пунктом балканской политики, своеобразной «бомбой с часовым механизмом» на Балканах³¹.

Опасения пограничных с Албанией и Косово государств подтверждались направлением эволюции политических требований косовских лидеров. Если в начале 90-х годов, накануне распада СФРЮ, они добились самоопределения в ее составе, а в случае изменения внутриреспубликанских границ — объединения всех албанцев в одной республике, то после распада Югославской федерации и по сей день неизменным остается их требование независимости Косово, ставящее под угрозу территориальную целостность Сербии и Союзной Республики Югославии, а также провоцирующее нестабильность в других областях Сербии, в частности, в Воеводине и Санджаке.

В начале 90-х годов под непосредственным влиянием событий в Косово в населенном мусульманами славянского происхождения **Санджаке** вопреки рекомендациям союзных властей был проведен референдум о придании этой области статуса политической автономии. В де-

кабре 1992 г. партия «Мусульманское национальное вече» призвала население Санджака по примеру косовских албанцев бойкотировать выборы в государственные органы республики, а позднее высказалась в пользу вхождения в состав Боснии и Герцеговины. При этом югославские авторы подчеркивали идентичность позиций и требований политических лидеров косовских албанцев и мусульман Санджака ³².

Что касается других государств балканского региона и в особенности ближайших соседей Сербии, то реализация этих планов означала бы для них дальнейшую эскалацию сепаратизма и межнациональных конфликтов. Поэтому уже в первой половине 90-х годов начался поиск возможностей мирного разрешения спорных вопросов, и одна из первых инициатив в этом направлении была предпринята премьер-министром СРЮ М. Паничем ³³, изложившим в августе 1992 г. свой конкретный план решения косовской проблемы. По его мнению, нормализация обстановки в Косово могла бы быть достигнута на основе проведения свободных демократических выборов, в которых приняло бы участие все население края. М. Панич поручил министерству юстиции привести действующее в крае законодательство в соответствие с нормами СБСЕ. В целях нормализации обстановки была создана Комиссия по правам национальных меньшинств, началась разработка закона «О свободе и правах объединений национальных меньшинств и их представителей», которая после ухода М. Панича из правительства в декабре 1992 г. так и не была завершена. Было также принято решение о восстановлении в Косово обучения на албанском языке ³⁴.

План М. Панича по нормализации обстановки в Косово, поддержанный премьер-министром Греции, который согласился быть посредником в переговорах между Белградом и Приштиной, собирались обнародовать в августе 1992 г. на лондонской конференции по Югославии. Однако в последний момент он был отклонен лидером косовских албанцев И. Руговой — по мнению международных наблюдателей, в расчете на то, что на конференции «будет отдано предпочтение платформе косовских албанцев, не учитывающей интересы Сербии» ³⁵.

За короткое время пребывания на посту премьер-министра М. Панич предпринял также ряд шагов по нормализации общей обстановки на Балканах. Важной международной инициативой стал его план создания экономической унии расположенных на полуострове государств. В августе 1992 г. он провел переговоры с руководителями Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, а также совершил сенсационный визит в

Тирану, в ходе которого предложил Албании сотрудничество «без каких-либо предварительных условий», заверив албанскую сторону в том, что «трагедия Боснии в Косово не повторится»³⁶. Эти конструктивные предложения были, однако, сведены на нет после поражения М. Панича в декабре 1992 г. на президентских выборах. Тем самым была упущена реальная возможность начать переговоры о судьбе Косово на общевалканском (с участием Греции) и международном уровнях.

Попытки посредничества в мирном решении косовской и других потенциально опасных проблем предпринимали в первой половине 90-х годов и другие балканские государства. В ноябре 1992 г. по инициативе Турции в Стамбуле была созвана конференция министров иностранных дел балканских государств с участием Австрии, но без СРЮ. Ее участники обратились к Совету Безопасности ООН с просьбой «изучить возможность развертывания международных вооруженных сил в Косово, Воеводине и Санджаке... в целях сдерживания исключительно взрывоопасной ситуации в этих областях». Участники стамбульской конференции призвали также руководство Сербии и косовских албанцев к проведению переговоров по ситуации в Косово в рамках Женевской конференции по бывшей Югославии и к установлению контроля над экстремистскими группировками³⁷.

В последующие годы проблема Косово неоднократно обсуждалась на встречах политиков балканских государств, но, как правило, в ограниченном составе и в ряде случаев без участия СРЮ. К тому же, как показала состоявшаяся в апреле 1994 г. в Софии встреча президентов Албании, Болгарии и Македонии, их позиции по Югославии и по косовской проблеме оказалось трудно совместить. Так, выступая в Народном собрании Болгарии, албанский президент С. Бериша заявил, имея в виду ситуацию в Косово: «...Если сербская агрессия будет и далее поощряться, конфликт в Боснии и Герцеговине станет лишь предлюдией к региональным столкновениям неизмеримо большего масштаба», чем вызвал недовольство болгарской стороны и резкий протест посольства СРЮ³⁸.

В 1995 г. Греческий фонд европейской и внешней политики, ставя целью разработку конкретных предложений по урегулированию косовского конфликта, инициировал исследовательский проект на тему «Стратегия предотвращения конфликта в Косово». Основные выводы состояли в необходимости проведения переговоров между конфликтующими сторонами с участием пользующегося их доверием между-

народного посредника. По мнению греческих экспертов, обязательными условиями начала переговоров могли бы быть подтверждение территориальной целостности СРЮ и предоставление Косово широкой автономии. Гарантами федеративного характера Югославии и статуса Косово как ее интегральной части должны были бы стать ООН, ЕС, ОБСЕ и Совет Европы ³⁹.

Предложенные греческими экспертами условия мирного разрешения косовского конфликта содержали также следующие конкретные рекомендации: а) восстановление автономного статуса Косово должно предшествовать завершению переговоров; б) международные гарантии территориальной целостности СРЮ должны исключать возможность предоставления Косово независимости или его объединения с соседними государствами; в) Косово должна быть предоставлена международная помощь для финансирования совместных сербско-албанских проектов; г) албанцы Косово должны дать согласие на участие в предстоящих общереспубликанских выборах; д) воинские подразделения должны быть выведены из населенных пунктов, а военизированные соединения распущены; е) возможно создание единого правового органа на основе паритетного представительства сербов и албанцев, председателем которого стало бы нейтральное лицо, пользующееся доверием обеих сторон ⁴⁰.

Согласованные меры доверия, согласно греческому проекту, должны были включать положения о запрещении пропаганды и акций сепаратизма, восстановление двуязычного Приштинского университета и возобновление деятельности двуязычных СМИ, а также учреждение поста омбудсмена ⁴¹. Греческий проект содержал позитивную основу для переговоров по установлению мира в Косово при посредничестве заинтересованных балканских государств, прежде всего Греции, и его основные положения сохраняют значимость по сей день. В какой-то степени эти идеи нашли отражение летом 1996 г. в ходе переговоров между Белградом и косовскими албанцами, на которых было достигнуто соглашение Милошевича — Руговы, предполагавшее взаимное признание властных полномочий, но так и не вступившее в силу (за исключением возобновления образовательных программ на албанском языке).

Середина 90-х годов ознаменовалась относительной нормализацией отношений между Сербией и Хорватией, а также завершением военных действий на территории Боснии и Герцеговины и подписанием в ноябре 1995 г. Дейтонских мирных соглашений по Боснии, реализа-

ция которых пока не принесла конструктивных результатов, кроме прекращения военных действий и сохранения статус-кво под контролем многонациональных сил по поддержанию мира под командованием НАТО. Косовские албанцы пристально следили за развитием ситуации в Боснии, восприняв в основном негативные уроки Дейтона.

По мнению Т. Веремиса, нынешняя боснийская ситуация может стать своего рода моделью для Косово, открывая в перспективе по крайней мере три возможности: создание широкой конфедерации (уже существующей в Боснии, но неприемлемой для сербской стороны в Косово), реализацию «американской мечты» о полиэтничном гражданском обществе (что сегодня на Балканах маловероятно), распад или раздел края в случае возобновления широкомасштабного противостояния. Если де-факто существующий раздел Боснии когда-либо будет юридически оформлен, косовские албанцы «несомненно воспримут это как сигнал к подобным же действиям», — подчеркивает Т. Веремис⁴².

Этот и другие уроки Дейтона, к сожалению, не были должным образом восприняты и сербскими радикальными политиками, продолжавшими делать ставку на решение косовской проблемы силовыми методами. Тем временем в Косово начали действовать экстремистские албанские группировки, для которых обсуждавшиеся ранее условия восстановления автономии и сам термин «автономия» оказались неприемлемыми. В конце 1996 г. на политической арене появилась Освободительная армия Косово, которая сделала ставку на достижение независимости силовым путем. В дальнейшем все это привело к резкому обострению косовского конфликта, его выходу на первый план в балканской и международной политике и существенной перегруппировке сил в Балканском регионе.

Позиции балканских стран по косовскому конфликту

Начало нынешнего этапа конфликта в Косово, превратившего край в наиболее опасную кризисную зону на Балканах, положили события сентября — ноября 1997 г., когда после очередных студенческих выступлений в Приштине и последовавшей за этим серии террористических акций ОАК присутствие сербских силовых структур в крае было резко усилено⁴³. В конце февраля — начале марта 1998 г. произошли вооруженные столкновения между боевиками ОАК, с одной стороны, и сербской полицией и формированиями ЮНА, с другой сторо-

ны, результатом чего стало большое число жертв среди мирного населения в районе Дреницы, где проживают в основном этнические албанцы.

Развитие событий на территории Косово и вокруг него внушало серьезную тревогу руководителям балканских государств. В ноябре 1997 г. на Крите состоялась встреча глав восьми государств и правительств стран Юго-Восточной Европы, в ходе которой ее участники даже избегали называть свой регион «Балканами», как бы подчеркивая этим отказ от негативного содержания этого термина. Особый характер встречи на Крите подчеркивался составом ее участников, среди которых были президенты Югославии и Македонии и премьер-министры Греции, Турции, Болгарии, Румынии и Албании. Босния была представлена заместителем министра иностранных дел, а Хорватия и Словения не представлены вообще, так как, согласно заявлениям руководителей этих стран, они «не являются балканскими государствами».

На первый план встречи вышел вопрос о взаимоотношениях Югославии и Албании. В кулуарах состоялись переговоры с глазу на глаз между руководителями обеих стран. Албанский премьер-министр Ф. Нано назвал их историческими, отметив, что тем самым был заложен «новый фундамент для более тесного сотрудничества между двумя странами». С. Милошевич ограничился заявлением, что его встреча с Ф. Нано была «очень интересной для обеих сторон»⁴⁴. Касаясь вопроса об албанцах Косово, С. Милошевич назвал их «национальным меньшинством», подчеркнув, что косовская проблема «будет решена в рамках международного права» с учетом того, что Косово является неотъемлемой частью Сербии и ситуация в крае является внутренним делом Югославии. В свою очередь, Ф. Нано назвал албанцев Косово «албанской общиной», указав, что их проблемы должны решаться в тех же самых европейских рамках, что и проблемы других общин⁴⁵.

Основное значение переговоров Милошевича — Нано состояло прежде всего в том, что это была первая почти за полвека личная встреча высших руководителей Югославии и Албании. Хотя переговоры завершились без видимых результатов, они вызвали негативную реакцию в Косово⁴⁶.

Другие организации многостороннего сотрудничества, в которых во второй половине 90-х годов участвовали страны балканского региона, — Организация черноморского экономического сотрудничества и Юго-Восточноевропейская кооперативная инициатива — воздержи-

вались от обсуждения косовской проблемы, ссылаясь на свой преимущественно экономический характер.

Большинство балканских стран, непосредственно не затронутых косовским конфликтом, предпочитали по возможности держаться от него в стороне, используя каналы двусторонней дипломатии. Однако наиболее опасные кризисные моменты заставляли их объединять усилия, чтобы не допустить распространения кризиса на другие районы полуострова. Так, массовые убийства в Дренице заставили министров иностранных дел Болгарии, Греции, Македонии, Румынии и Турции созвать экстренное совещание в Софии и обратиться к сторонам конфликта с развернутыми рекомендациями. В направленном ими в Парламентскую ассамблею Совета Европы документе содержался призыв к диалогу между сербскими властями и представителями косовских албанцев без предварительных условий. Согласованная в Софии позиция балканских стран содержала осуждение как противоправных действий сербских силовых структур, так и террористических акций ОАК. В документе подчеркивалось, что окончательное решение косовской проблемы может основываться только на твердом соблюдении прав албанцев, сербов и других проживающих в Косово этнических групп на основе Устава ООН, принципов Хельсинки и стандартов ОБСЕ. Министры специально подчеркнули важнейшее, по их мнению, условие сохранения мира в регионе — безусловное уважение существующих границ, сохранность границ СРЮ и неприятие сепаратистских устремлений радикальных организаций Косово при условии предоставления краю самых широких автономных прав⁴⁷.

Октябрьский (1998 г.) международный кризис вокруг Косово побудил балканские государства прибегнуть к более действенным мерам, а именно к учреждению в январе 1999 г. на встрече в Афинах группы объединенных вооруженных подразделений — балканских многонациональных миротворческих сил с участием Италии, Греции, Турции, Албании, Болгарии, Македонии и Румынии (Словения, а также США присутствовали на учредительной встрече в качестве наблюдателей). Штаб-квартира новой группировки должна перемещаться между столицами государств-участников, а в течение первых четырех лет — располагаться в болгарском Пловдиве. На встрече также было решено провести в конце 1999 г. первые совместные учения балканских миротворческих сил. Греческий министр А. Цохадзопулос заявил, что силы будут «инструментом международного сообщества по решению проблем

безопасности и стабильности в регионе на основе международного права». Министр обороны Италии К. Сконьямилео подчеркнул, что, создавая многонациональные силы, европейцы предоставляют мировому сообществу «дополнительные военные возможности». По словам главы оборонного ведомства Македонии Н. Ключева, силы призваны демонстрировать «добрую волю к преодолению исторических конфликтов прошлого»⁴⁸.

Значительный интерес к этим планам проявила Югославия, но ей было отказано в членстве в новой группировке, в которой, однако, принимают активное участие главные региональные оппоненты СРЮ — Албания и Турция. Опыт предшествующих этапов балканской политики показывает, однако, что изоляция хотя бы одного из государств может в перспективе негативно отразиться на положении региона в целом.

Что касается нынешнего этапа развития двусторонних отношений в рамках региона и посреднической деятельности отдельных балканских государств, то наибольшую активность на этом направлении проявляет **Греция**, оказавшаяся в условиях разгорающихся на Балканах вооруженных конфликтов перед непростым выбором: либо действовать в русле политики США и НАТО, либо отстаивать собственную позицию, претендуя на региональное лидерство. Греческое руководство избрало второй вариант⁴⁹. В частности, недовольство Запада не помешало грекам во время боснийской войны, невзирая на санкции ООН, снабжать Сербию и Черногорию горючим⁵⁰. В связи с постоянным характером греко-турецкого противостояния в рамках НАТО и обострением конфликтной ситуации вокруг Косово целью греческой стратегии на Балканах оставалось также противодействие турецкой экспансии и предотвращение возможности создания в регионе «исламско-турецкого пояса»⁵¹.

Во второй половине 90-х годов внешняя политика Греции стала более сбалансированной и менее конфронтационной. Из страны, прямо или косвенно вовлеченной в балканские конфликты, она начала постепенно превращаться в стабилизирующую силу и потенциального посредника в процессе мирного урегулирования спорных проблем. После крушения коммунистических режимов греческий капитал стал активно завоевывать рынки балканских стран, создавая общие предприятия с местными партнерами. Основная доля греческих инвестиций (их общая сумма в регионе оценивается в 800—900 млн долл.) идет в

Болгарию и Румынию, в меньшей степени — в Албанию и Македонию. В перспективе разносторонняя деятельность в балканских странах крупнейших греческих банков и быстро растущих компаний в различных сферах производства может способствовать их превращению в региональные транснациональные корпорации ⁵².

С целью укрепления своих политических позиций Греция стала играть более активную посредническую роль в вопросах регулирования балканских конфликтов. Так, в июле — августе 1996 г. греческий премьер-министр К. Симитис провел секретные переговоры между Белградом и Загребом, добившись нормализации отношений между Сербией и Хорватией и официального признания ими существующих границ ⁵³.

Греческая сторона также пыталась, хотя и безуспешно, способствовать урегулированию конфликта вокруг Косово. В январе 1998 г. заместитель министра иностранных дел Греции И. Папандреу предложил посреднические услуги С. Милошевичу, И. Ругове и Ф. Нано. Албания приняла предложение, косовское руководство отвергло его, а из Белграда не последовало никакой реакции ⁵⁴.

В албанских кругах Косово настороженно относятся к Греции из-за ее особых отношений с Белградом на основе христианско-православных ценностей и антиисламской направленности политики обеих стран. Попытки прямых переговоров греческого министра иностранных дел Т. Пангалоса с лидерами ОАК в Тиране (сентябрь 1998 г.) привели лишь к ухудшению албано-греческих отношений в связи с заявленными косовскими лидерами претензиями на населенные этническими албанцами греческие районы как на часть «Великой Албании». Однако греческая сторона и в этом случае не отошла от своего сбалансированного курса в отношении конфликтующих сторон.

В ноябре 1998 г. в Афинах состоялись переговоры К. Симитиса с албанским премьер-министром П. Майко, центральным пунктом которых был вопрос об урегулировании конфликта в Косово. Позиции сторон были близки, но не во всем совпадали. Греческая сторона высказалась против использования силы и в пользу более широкой автономии для Косово, но против каких-либо изменений существующих границ. Албанский премьер-министр, ссылаясь на решения парламента, заявил о необходимости политического диалога для достижения урегулирования, «хотя бы с временным статусом» для Косово ⁵⁵. Тем не менее Албании была обещана поддержка во вступлении в НАТО и ЕС, а также экономическая помощь (предоставление Тиране займа в сум-

ме 18 млн долл., несомненно, способствовало стабилизации греческо-албанских отношений).

Следуя линии на сбалансированное развитие отношений со странами Балканского региона, в декабре 1998 г. Греция предприняла попытку устранения спорных вопросов на наиболее чувствительном для нее направлении — в отношениях с Македонией. И хотя название бывшей югославской республики по-прежнему остается препятствием для развития отношений между Афинами и Скопье, в ходе двусторонних переговоров были достигнуты договоренности по ряду экономических вопросов, а также наметился компромисс по вопросу о названии македонского государства.

На всех этапах косовского кризиса Греция сохраняла отрицательное отношение к возможной силовой акции против Белграда, поскольку для нее больше, чем для любого другого члена НАТО, была очевидна опасность расширения в этом случае общебалканского конфликта. Причины фактического отказа Греции от участия в военных операциях НАТО на территории бывшей Югославии заключались также в ее опасениях по поводу неизбежного в этом случае ухудшения сербско-греческих отношений.

В целом греческое руководство сохраняет взвешенную позицию в отношении косовского конфликта, поддерживая баланс сил в регионе и оправдывая взятую на себя роль регионального балканского лидера. Такая позиция Афин вряд ли будет зависеть от персональных изменений в правительстве и сохранится в перспективе, обеспечивая Греции прочные позиции в экономической и политической жизни стран Балканского полуострова.

В свете конфликта на территории Косово возросло значение отношений в треугольнике СРЮ — Албания — Македония⁵⁶.

В 90-е годы быстро растущее албанское меньшинство **Македонии**^{56a} выдвинуло требование признать албанцев «второй государствообразующей нацией» и предоставить им территориальную автономию⁵⁷. Учитывая, что албанское население проживает в приграничных с Албанией районах, а также имея перед глазами пример Косово, македонское правительство отказалось удовлетворить эти требования. В ответ албанское население бойкотировало государственный референдум 1991 г. и в январе 1992 г. провело собственный референдум, в ходе которого 90% его участников высказались за отделение населенных албанцами территорий от Македонии.

В сложившихся условиях правительство Македонии дало согласие на размещение начиная с марта 1995 г. на ее территории Сил превентивного развертывания (СПР) ООН, укомплектованных в основном военнотрудовыми США и Скандинавских стран. Вопрос о пребывании «голубых касок» в Македонии и их численном составе неоднократно становился предметом обсуждения на международном уровне. В апреле 1997 г. Совет Безопасности ООН в связи с беспорядками в соседней Албании и возможностью их воздействия на Македонию единогласно отклонил ранее принятую резолюцию об их сокращении⁵⁸. Однако в феврале 1999 г. вопрос о продлении мандата СПР ООН был заблокирован в Совете Безопасности Китаем после того, как Македония установила дипломатические отношения с Тайванем.

В дальнейшем противоречия между македонскими властями и албанскими экстремистами, создававшими нелегальные объединения и подпольные вооруженные группировки, оставались острыми⁵⁹. Террористические группы в Македонии и Косово поддерживают между собой контакты, и вооруженный конфликт в Косово легко может перекинуться в Македонию. Подтверждением этому стали взрывы бомб в Скопье и других городах в июле 1998 г., ответственность за которые взяла на себя Освободительная армия Косово. В разгар октябрьского кризиса 1998 г. политические партии албанского меньшинства Македонии открыто поддержали действия ОАК, потребовав от правительства предоставить территорию страны в распоряжение сил НАТО в случае интервенции против СРЮ⁶⁰.

В этих условиях для Македонии первостепенное значение приобрела необходимость установления более тесного взаимодействия с Албанией. В феврале 1998 г., в момент очередного обострения косовской проблемы, президент Киро Глигоров заявил о возможности в случае войны открыть через территорию Македонии коридор для беженцев-албанцев из Косово. Однако албанские власти дали понять, что Албания не готова принять 100—200 тыс. беженцев, как это предложил К. Глигоров⁶¹. В январе 1999 г. на встрече премьер-министров двух стран в Тиране была достигнута договоренность о координации действий Македонии и Албании по косовскому вопросу. Этому в значительной мере способствовали внутривластные перемены в Македонии после победы на парламентских выборах оппозиционной социал-демократам Всемакедонской революционной организации — Демократической партии македонского национального единства. Несмотря на

анахронизм в ее названии, ВМРО и ее коалиционный партнер — партия «Демократическая альтернатива» — сразу же выступила за конструктивный диалог со всеми соседями на основе выдвинутого нынешним премьер-министром Любчо Георгиевским лозунга: «На Балканах должен воцариться европейский дух!». В качестве первого шага было установлено конструктивное взаимодействие с Партией демократического процветания албанцев, 11 представителей которой вошли в состав нового правительства⁶². Тем самым была продемонстрирована возможность конструктивного сотрудничества этнических групп — пример, который резко контрастирует с политикой Белграда в отношении албанского населения Косово.

С приходом к власти правительства Л. Георгиевского произошли существенные перемены в отношениях Македонии с балканскими соседями и ее позиции по косовскому конфликту. Прежняя линия на сохранение «равноудаленности» уступила место налаживанию более тесных отношений с Грецией и Болгарией и преодолению «исторических разногласий» с ними. Не исключено, что новое руководство может пойти на компромисс с Грецией и по вопросу о названии (предложив, например, вариант «Республика Македония — Скопье»)⁶³.

Новое македонское руководство стало уделять меньше внимания отношениям с Сербией за исключением вопроса о необходимости делимитации границ, который руководство СРЮ не спешит решать. Озабоченность Македонии этой проблемой продиктована ее опасениями по поводу возможности вторжения частей югославской армии, которая под предлогом преследования албанских террористов может нарушить еще не делимитированную границу. Согласно оценкам ЦРУ, такой сценарий представляет несомненную опасность, поскольку может спровоцировать военное вмешательство Албании, Болгарии, Греции и Турции и вызвать масштабный конфликт на Балканах⁶⁴.

В вопросе об отношении к конфликту в Косово правительство Л. Георгиевского все в большей мере ориентируется на США и НАТО. Не случайно первым государственным визитом нового премьера была поездка в Брюссель в декабре 1998 г., где он обсуждал с генеральным секретарем НАТО Х. Соланой совместные действия по урегулированию косовской проблемы^{65–66}. Уже в конце прошлого года в приграничных районах Македонии и Югославии были дислоцированы Силы НАТО по эвакуации миссии ОБСЕ в Косово в составе 1800 военнослужащих. На случай широкомасштабной военной операции в Косово были раз-

работаны и осуществлены планы развертывания более мощной группировки на македонско-югославской и албано-югославской границах.

Македония относится к числу наименее развитых балканских стран (по объему ВВП Македония превосходит лишь Албанию), отягощенных экономической отсталостью, массовой безработицей, особенно среди молодежи, и наличием у населения неучтенных запасов оружия. О состоянии экономики Македонии красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1998 г. она из-за неуплаты взноса в ООН (90 тыс. долл.) была лишена права голоса в этой международной организации.

В нынешних условиях македонская сторона проявляет заинтересованность в предотвращении расширения косовского кризиса, урегулировании других спорных вопросов в отношениях с соседями и получении экономической и политической поддержки Запада. Новые македонские лидеры постоянно подчеркивают, что несогласованность действий балканских государств на фоне разрастания косовского кризиса может обернуться опасными последствиями для всего региона.

Это осознает и руководство еще одной балканской республики, где проживает албанское меньшинство, — **Черногория**, объединенной с Сербией в составе СРЮ. Избрание в октябре 1997 г. на пост президента лидера реформаторских сил Мило Джукановича означало поворот Черногории в сторону большей независимости от Белграда, в том числе и в отношении косовского конфликта. Еще до начала нынешнего обострения ситуации в Косово М. Джуканович в интервью журналу «Време» (1997. — 21.02) объявил С. Милошевича «некомпетентным политиком», выступив за урегулирование конфликта политическими средствами⁶⁷. Летом 1998 г. черногорский парламент потребовал в срочном порядке отозвать всех солдат из этой республики, несущих службу в Косово, и перевести их в части, дислоцированные в Черногории.

Черногорские политики настаивали на своем участии в переговорном процессе в Рамбуйе (февраль 1999 г.) на правах наблюдателей. Выступая за предоставление Косово самой широкой автономии, они категорически возражали против предоставления краю статуса третьей республики в составе СРЮ. М. Джуканович резко критиковал операции югославской армии и сербской полиции против мирного населения Косово. Единственный путь к решению косовской проблемы М. Джуканович усматривал в смене белградского режима, который, по его мнению, «привел страну к международной изоляции»⁶⁸.

В сложном переплетении национальных и политических интересов и сил на Балканах перспективы разрешения косовского конфликта не в последнюю очередь зависят и от позиции **Албании**. Несмотря на рост национал-экстремистских настроений как в самой Албании, так и особенно в среде зарубежной албанской диаспоры в 90-е годы, официальная политика Тираны характеризовалась осторожным отношением к «албанскому вопросу» и его конкретным проявлениям в Македонии, Черногории и Косово. Очевидны были и различия в подходе к косовскому конфликту более осторожных «южан»-тосков (Ф. Нано) и «северянина»-гега С. Бериши⁶⁹. Впрочем, и сам С. Бериша, будучи президентом, предпочитал ограничиваться словесной поддержкой соотечественников и стремился всеми силами избежать прямой конфронтации с соседями⁷⁰.

Албанские власти стараются не допускать открытого противостояния в приграничных районах с сербскими вооруженными силами, расположенными вдоль югославо-албанской границы. Тем более что, по оценке экспертов НАТО, для этого необходимо по меньшей мере 60 тыс. хорошо вооруженных военнослужащих, которыми сама Албания не располагает. К тому же перед албанским руководством постоянно возникал вопрос, сумеет ли оно в случае более активной поддержки косовских вооруженных формирований взять их под свой контроль и стоит ли брать на себя ответственность за открыто пропагандируемый косовскими экстремистами лозунг «За Великую Албанию!», способный перессорить Албанию с большинством балканских государств и европейским сообществом.

Тем не менее средства массовой информации ряда стран приводили факты неофициальной поддержки албанскими политиками вооруженных албанских формирований в Косово. Само албанское правительство подтвердило, что в сентябре 1998 г. в ходе противостояния с законно избранной властью экс-президент С. Бериша пользовался услугами боевиков ОАК⁷¹. Из Албании в Косово систематически переправляются большие партии оружия, а северные районы страны фактически контролируются ОАК. Однако, по оценкам Международной кризисной группы, выдворение формирований ОАК с албанской территории означало бы «политическое самоубийство» для албанского правительства, поэтому оно в интересах «национальной солидарности» вынуждено закрывать глаза на активность косовских боевиков в своей стране⁷².

В балканской политике Албании активно присутствует и «исламский фактор», прежде всего в его политическом измерении. Исходным пунктом на этом пути стало вступление Албании в Организацию «Исламская конференция»: при этом она стала первой европейской страной, получившей полноправный статус в ОИК. Тогда это, однако, вызвало ожесточенную дискуссию в среде албанских оппозиционных политиков, обосновывавших свою позицию тем, что сближение с исламским миром может отрицательно сказаться на общей евроатлантической ориентации страны, ее попытках интегрироваться в западные структуры. После прихода к власти в июне 1997 г. правительства Ф. Нано — П. Мило Албания стала ориентироваться преимущественно на двусторонние отношения с исламским миром⁷³. При этом она продолжает получать экономическую помощь от Турции, с которой связана Договором о дружбе и военным соглашением, и финансовую поддержку от Саудовской Аравии, Кувейта и Египта⁷⁴.

Обострение во второй половине 90-х годов кризиса на территории Косово и вокруг него наложило отпечаток на внешнюю политику **Болгарии**. Балканское направление болгарской внешней политики в этот период все более тесно увязывалось с общей евроатлантической ориентацией пришедшего в 1997 г. к власти правительства правых сил во главе с Иваном Костовым. В качестве главной цели правительство правых сил объявило намерение интегрировать страну в НАТО и ЕС, что и определило его позицию по косовскому конфликту. Конкретные акции Болгарии были прежде всего направлены на ликвидацию спорных проблем с соседями и поддержку действий США и НАТО в отношении Югославии и Косово.

Особое значение было уделено нормализации отношений с Македонией, приобретающих для болгарской стороны практическое значение в моменты обострения косовского конфликта. В марте 1997 г. Болгария подписала с Македонией серию соглашений, при этом документы впервые были составлены на двух языках, что расценивалось как значительная уступка со стороны Софии, ранее не признававшей македонского языка и считавшей его диалектом болгарского. В октябре 1998 г. болгарская пресса, как полагали обозреватели, под влиянием правительства, поддержала ВМРО — ДПМНЕ и в значительной мере обеспечила ее победу на парламентских выборах, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему улучшению двусторонних отношений.

Конец большинству спорных проблем в болгаро-македонских отношениях был положен в феврале 1999 г. с подписанием в Софии совместной Декларации об отказе от взаимных территориальных претензий и официальном признании македонского языка в качестве государственного языка Республики Македония. Премьер-министры Болгарии и Македонии оценили этот шаг как полезный пример для решения других застарелых споров, в их числе косовского конфликта⁷⁵. Совместная болгаро-македонская декларация была поддержана руководством ЕС, оценившим ее как «ценный вклад в обеспечение стабильности и безопасности в регионе, где еще далеко не исчерпан потенциал сотрудничества».

В то же время правительство Болгарии в порядке поддержания «атлантической солидарности» приняло в ноябре 1998 г. решение о закрытии национального воздушного пространства для югославских авиаперевозчиков. По оценкам болгарской печати левой ориентации, это стало «очередным шагом, ведущим к преднамеренной конфронтации с югославскими властями», тем более что ему предшествовало разрешение на использование боевыми самолетами НАТО болгарского воздушного пространства для нанесения авиаударов по армейским объектам в Косово⁷⁶. Придерживаясь в косовском вопросе линии на безоговорочную «атлантическую солидарность», болгарская сторона столкнулась с рядом неприятных проблем — прежде всего с неготовностью болгарских ВВС и ПВО отразить ответные действия сербской стороны в случае вооруженного конфликта в Косово, о чем прямо заявил президент Болгарии П. Стоянов в интервью немецкому еженедельнику «Berliner Morgen»⁷⁷.

Антисербской позицией болгарского руководства не преминули воспользоваться косовские сепаратисты. Так, по сообщению софийской газеты «Сега» со ссылкой на «источники в контрразведке», ОАК разработала программу, предусматривающую распространение сферы своего влияния на соседние с Югославией страны, причем в качестве одного из приоритетных направлений указана Болгария. Многочисленная колония косовских албанцев обосновалась в курортном городке Сандански, расположенном в «стратегическом треугольнике» на стыке границ Болгарии с Македонией и Грецией, а также вблизи границ с Турцией, где проживает мусульманское население — болгарские турки и помаки⁷⁸.

Сама же **Турция** активно использует в своей балканской политике «исламский фактор» и поддержку влиятельных стран Персидского за-

лива, которые, в свою очередь, поощряют ее усилия по оказанию помощи балканским мусульманам. При этом Турция стремится сбалансировать свою политику одновременной поддержкой стратегии США и НАТО, что стало особенно очевидным на примере ее отношения к косовскому конфликту.

Выступая за соблюдение прав исламского населения, турецкие политики неоднократно предлагали направить в «горячие точки» на Балканах, в том числе и в Косово, свои воинские контингенты, против чего активно возражала Греция, указывая, что это могло бы возродить в памяти балканских народов многовековое господство Османской империи. Тем не менее, согласно сообщениям западных информационных агентств, турецкая сторона в феврале 1999 г. подтвердила готовность направить по договоренности с Болгарией свой воинский контингент в Косово ⁷⁹.

В последнее время Турция стала активно расширять контакты с Македонией. В частности, она оказывала Скопье экономическую помощь во время греческой блокады. Недавно подписанное двустороннее соглашение о военном сотрудничестве предполагало, что офицеры пока еще немногочисленной македонской армии будут проходить стажировку в Анкаре.

В целом, однако, политика Турции на всех этапах косовского кризиса по понятным причинам оставалась осторожной: турецкие власти, вынужденные решать сложнейшую курдскую проблему, не могут занять позицию, которая могла бы быть истолкована как поддержка сепаратизма.

Подводя итоги сказанному, можно заметить, что косовский кризис существенно повлиял на расстановку сил на Балканах, способствуя поляризации позиций большей части балканских государств. Более нейтральную позицию заняли Босния и Хорватия, на территории которых расположены сербские анклавы, а также Словения и Румыния, территориально относительно удаленные от зоны конфликта.

Последние две страны, претендуя на членство в НАТО, вынуждены были отреагировать на угрозу нанесения ракетно-бомбовых ударов по военным объектам СРЮ. Согласно сообщениям, полученным в октябре 1998 г., **Румыния**, как и Болгария, предоставила ВВС НАТО свое воздушное пространство, однако позже румынская сторона дезавуировала эти сообщения. По словам посла Румынии в Москве Иона Дьякону, речь шла лишь о возможности пролета или посадок отдельных самолё-

тов, испытывающих технические неполадки. В этом отличие румынской позиции от венгерской или болгарской, подчеркнул посол. Румыния не поддерживает предложение о введении санкций против СРЮ, так как только в прошлом она понесла ущерб в 7 млрд долл. из-за эмбарго, объявленного Белграду. Что касается более общих подходов к урегулированию косовской проблемы, то Румынии ближе позиция России, отметил посол⁸⁰. В марте 1999 г. Румыния выступила инициатором созыва «синайской тройки» в составе руководителей Турции, Болгарии и Румынии для обсуждения ситуации в Косово и возможных предложений по выходу из кризиса.

В то же время нельзя не указать на те существенные для всех балканских государств обстоятельства, которые побуждают их совместно искать пути мирного разрешения косовского конфликта.

На протяжении 90-х годов важнейшим деструктивным фактором на Балканах оставалась проблема беженцев, вынужденных переселенцев, не имеющих социальной защиты жертв вооруженных столкновений, а также перемещающихся из страны в страну вооруженных лиц и группировок без определенных занятий. По оценкам ООН, уже в январе 1994 г. численность всех этих «групп риска» в постюгославских республиках достигла 4135 тыс. человек⁸¹. В результате военных действий в Боснии только на территории Хорватии оказалось свыше 300 тыс. беженцев, а их общая численность превысила во второй половине 90-х годов 600 тыс. человек⁸².

После каждой новой вспышки вооруженного конфликта в Косово число беженцев, как албанцев, так и сербов, возрастает (еще до октябрьского кризиса 1998 г. оно превышало 200 тыс.). Часть из них через венгерскую границу перебирается на Запад — в Австрию, Германию, Швейцарию, где пытаются получить вспомоществование согласно Конвенции о статусе беженцев (1951 г.) и вызывает все большую озабоченность местной общественности и властей. Однако значительный контингент лиц без определенных занятий оседает в сопредельных балканских странах. По данным австрийской прессы, их численность составляла в октябре 1998 г. в Албании 20 тыс., в Черногории — более 40 тыс., в Боснии — 7 тыс., в Словении — 2 тыс.⁸³ Большинство перемещенных лиц живут в неудовлетворительных условиях, осложняя и без того непростую внутриполитическую ситуацию в этих странах и пополняя их криминальные структуры.

Не менее негативным для общепалканской ситуации фактором, порожденным нынешним косовским кризисом, стал практически некон-

тролируемый наркобизнес. Косовские события придали этому традиционному для албанских районов промыслу новый импульс, так как получаемая прибыль идет в основном на финансирование ОАК. По данным Интерпола, албанская наркомафия контролирует до 40% рынка наркотиков бывшей Югославии и до 70% германского рынка. Албанцы из Косово, Македонии и самой Албании контролируют до 80% оборота наркотиков в Швейцарии, Венгрии, а также в ряде балканских государств⁸⁴.

Косовский конфликт продолжает, таким образом, оказывать самое негативное воздействие на общепалканскую ситуацию, способствуя ее дальнейшей дестабилизации. Нерешенность проблемы Косово и ее дальнейшая эскалация неизбежно повлечет за собой распространение конфликта на другие страны региона. Но даже если бы этот процесс был приостановлен международным сообществом на компромиссной основе (по дейтонскому образцу), это не гарантировало бы Балканский регион от негативных явлений, которые были порождены косовским кризисом и могут быть нейтрализованы и устранены лишь совместными и согласованными усилиями всех без исключения государств региона.

До последнего времени большинство балканских стран предпочитало держаться в стороне от косовского конфликта, однако после начала натовских бомбардировок в него оказались втянутыми сопредельные с Косово Македония и Албания, а также занимающая особую позицию в рамках СРЮ Республика Черногория. Именно они первыми испытали на себе последствия гуманитарной катастрофы на территории Косово. Развязанный режимом С. Милошевича террор против албанского населения, многократно усилившийся под влиянием натовских бомбардировок, привел к массовому перемещению в эти республики беженцев из Косово. Только за одну неделю в Албанию, Македонию и Черногорию были выдворены или вынуждены были спасаться бегством более 120 тыс. косовских албанцев. По оценкам УВКБ ООН общее количество перемещенных лиц за год косовского конфликта достигло 550 тыс., а в случае расширения конфликта может составить 1 млн человек. Наряду с большинством государств балканского региона (прежде всего это относится к Греции) их наплыв угрожает Центральной и Западной Европе — потоки беженцев могут хлынуть через венгерскую границу в Австрию и Германию, а через Адриатику — в Италию.

Расположенные вблизи границ Югославии государства оказались после начала воздушных ударов по Югославии в непосредственной «зоне риска». В Македонию еще в начале 1999 г. были переброшены сухопутные контингенты НАТО — до 12 тыс. солдат, оснащенных тяжелой бронетехникой и артиллерией, дислоцированных в Скопье, Куманово и Тетово. Расширение военно-воздушных операций в Косово повлекло за собой и прямую угрозу Македонии в случае попадания ракет на ее территорию или же нанесения сербской стороной ответных ракетных ударов по позициям воинских группировок НАТО. Все это послужило причиной того, что после начала второго этапа вооруженного вторжения НАТО в Югославию македонская сторона официально запросила предоставления ей «защитного зонтика НАТО» вплоть до возможного вступления в Североатлантический блок.

С началом военной операции НАТО против Югославии самостоятельную позицию заняло руководство Черногории. После начала воздушных операций НАТО ее президент М. Джуканович резко критиковал политику С. Милошевича, назвав ее «безумной», а самого С. Милошевича — «главным организатором кризиса». Власти Черногории отказались распространить на территорию республики режим военного положения. В этих условиях грубым политическим просчетом стали бомбардировки ВВС НАТО ракетных батарей и аэродромов Черногории, отказавшейся поддерживать политику Белграда и еще летом 1998 г. отозвавшей своих солдат из Косово.

Официальная позиция сопредельной с Косово Албании до последнего времени характеризовалась осторожным отношением к «албанскому вопросу» и его конкретным проявлениям в Косово, Черногории и Македонии, хотя негласная поддержка ОАК была очевидной. Наплыв беженцев из Косово (по некоторым данным, более 100 тыс. человек за одну лишь последнюю неделю марта) усиливает политическую нестабильность в Албании. Результатом этого становится легализация деятельности радикальных косовских группировок, что стало очевидным после того, как 3 апреля лидер ОАК Х. Тачи заявил о формировании на территории Албании «временного правительства независимого Косово». В то же время в Брюсселе было заявлено о развертывании в Албании шеститысячного воинского контингента и размещении командной структуры НАТО в Тиране.

Единственным государством — членом НАТО, которое не только не приняло участия в военно-силовой акции против Белграда, но и осу-

дило ее, остается Греция. Греческое общество едино в своей негативной оценке возможных последствий нынешнего кризиса, поскольку для Греции больше, чем для любой другой страны — члена НАТО, очевидна опасность расширения общебалканского конфликта с вовлечением в него Македонии, Турции и Албании. После воздушных ударов НАТО по Югославии Греция официально выразила свое неодобрение этой акции. И премьер-министр К. Симитис, и министр иностранных дел Г. Папандреу высказались за поиск новых политических подходов, учитывая сложность этнических проблем на Балканах и невозможность их решения военным путем. Предлагалось, в частности, в случае прекращения натовских бомбардировок размещение в Косово «международных сил контроля» с участием России и ряда малых стран Европы, к которым в Белграде нет очевидного предубеждения.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что решение о проведении военной операции НАТО против Югославии не только не способствовало прекращению конфликта на территории Косово, но с большой долей вероятности может привести к возникновению новых очагов войн на Балканах. Упорство противоборствующих сторон, желание одной из них сохранить свои позиции ценой жизни собственного народа, «высокомерие силы» и непонимание реальной ситуации со стороны другой подтолкнули Европу и мир к опасному рубежу. Сбирать камни несоизмеримо труднее, чем разбрасывать их. Но именно этим придется заняться политикам, если они хотят сохранить мир на Балканах и в Европе.

* * *

Распад СФРЮ и серия конфликтов на ее бывшей территории не только изменили карту Балканского полуострова, но и самым негативным образом сказались на характере межгосударственных и межнациональных отношений в регионе. Набиравшее во второй половине 80-х годов силу многостороннее сотрудничество балканских государств прервалось, поскольку после преодоления блокового противостояния в Европе были исчерпаны его основные цели. В результате крушения коммунистических режимов большинство балканских государств избрали прозападную ориентацию, взяв курс на вступление в НАТО и ЕС. Это в конечном счете и определило новый характер и структуру их взаимодействия.

Что же касается межнациональных отношений в регионе, то их современный уровень определяется стремлением большинства балканских государств и обществ соответствовать стандартам европейских структур. Именно этим объясняются казавшиеся ранее невозможными процессы «примирения» между Македонией и Болгарией, Македонией и Грецией.

В то же время отсутствие реального прогресса на пути демократизации консервирует межнациональную рознь, что наиболее ярко демонстрирует ситуация на территории Косово. По словам философа и публициста Ш. Маличи, в крае «сложилась обстановка тотальной, всеобщей и непримиримой конфронтации между сербами и албанцами»⁸⁵. При всей сложности исторических предпосылок этой конфронтации, возможности ее преодоления существовали (например начавшийся в 1992 г. диалог, инициированный тогдашним премьер-министром Югославии М. Паничем).

В свое время известный югославский политик М. Джилас сформулировал вывод о том, что путь к политической и экономической стабилизации Югославии лежит через осознание национальных различий и договоренности между нациями. Этот разумный совет и сегодня остается в силе, и пренебрежение им способствует эскалации конфликта в Косово с самыми непредсказуемыми последствиями для края, СРЮ и балканского региона в целом. Без соблюдения демократических норм невозможно преодолеть негативные стереотипы и взаимные «образы врага». Пренебрежение этими нормами со стороны сербского руководства еще туже затягивает узел конфликта, усиливает военное противостояние, в котором не может быть победителей.

Предпринимаемые США и НАТО меры по разрешению сложнейших этнонациональных противоречий и «установлению демократии» силовым путем также контрпродуктивны и могут повлечь лишь укрепление нынешнего режима СРЮ, а в конечном счете и эскалацию конфликта за пределы Косово. Если международное сообщество имеет целью стабилизацию обстановки в регионе, оно должно прежде всего найти реальные пути укрепления позиций демократических сил как среди сербов и косовских албанцев, так и в других национальных группах, памятуя о том, что «национальный вопрос» не может быть разрешен в условиях отсутствия демократии.

В более широком плане опыт недавней истории ряда балканских государств свидетельствует, что постепенное ослабление в регионе меж-

национальных и межгосударственных противоречий возможно лишь на основе преодоления последствий господства авторитарных и тоталитарных режимов, поощрявших создание различного рода «национальных мифологем» и активно использовавших их в государственной политике.

Поэтому одна из главных целей европейского и мирового сообщества состоит в необходимости поддержки в странах Балканского региона тех внутренних политических сил, которые выступают за продвижение реформ и утверждение демократических ценностей и уже поэтому несовместимы с практикой национализма и разжигания национальной вражды. Использование их конструктивного опыта и конкретных предложений могло бы внести существенный вклад в преодоление косовского кризиса путем политических переговоров.

Примечания

¹ *Vekarić V.* The Kosovo Problem and the International Community: Reflections on Possible Approaches // CSS Survey [Belgrade]. — 1997. — Apr. — P. 6.

² *Petković R.* Effects of the Yugoslav Crisis upon the Balkan Situation // CSS Survey. — 1996. — March. — P. 3.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 2. — Весна. — С. 121.

⁴ *Bianchini S.* The Adriatic Southeast European Area: The Balkans // The Intern. Spectator. — 1990. — Vol. 25. — № 4. — Oct.—Dec. — P. 310.

⁵ *Iorga N.* Histoire des États balkaniques jusqu'à 1924. — Paris, 1925. — P. 9—10.

⁶ *Petković R.* Balkan: ni «bure baruta» ni «zona mira». — Zagreb, 1978. — P. 104—105.

⁷ Смирнова Н., Языкова А. Балканы в российской политике XIX—XX веков // Европейский альманах: История, традиции, культура. — М., 1998. — С. 58—59.

⁸ *Grigorova G.* The Balkans and Common European Home // Études balkaniques [Sofia]. — 1989. — № 4. — P. 19; Balkan krajem 80-tih. — Beograd, 1987. — S. 99.

⁹ Петкович Р. Встреча министров иностранных дел балканских стран в Тиране // Междунар. политика [Белград]. — 1990. — № 974. — 5 нояб.

¹⁰ *Larrabee S.* Long Memories and Short Fuses: Change and Instability in the Balkans // Intern. Security. — 1990/91. — Winter. — Vol. 15. — № 3. — P. 59.

¹¹ *Coulombis T. A.* Greece, NATO and Eastern Europe // Rev. roumaine d'études intern. — 1992. — Jan.—Fev. — P. 24.

¹² См.: Аблазова Л. С. Государства — наследники СФРЮ // Балканы между прошлым и будущим. — М., 1995. — С. 42—43.

¹³ Borba. — 1991. — 31.03.

¹⁴ Borba. — 1991. — 9.04.

¹⁵ Loza T. Kosovo Albanians: Closing the Ranks // Transition. — 1998. — May. — P. 23—25, 26.

¹⁶ «Greater Albania». Concepts and Possible Consequences. — Belgrade, 1998. — P. 45—47.

¹⁷ Со ссылкой на сообщение Албанского телеграфного агентства от 9 февраля 1992 г.: Vickers M., Pettifer J. Albania: From Anarchy to a Balkan Identity. — London, 1997. — P. 153.

¹⁸ Михайлов М. Уроки Югославии // Дружба народов. — 1995. — № 3. — С. 163.

²⁰ Veremis T. Greece, the Balkans and the European Union. — Athens: ELIAMEP, 1998. — P. 9—10. — (Discussion Papers; C9).

²¹ Согласно официальным данным, венгерское меньшинство в Румынии составляло 7,1% (1992 г.), турецкое население Болгарии — 8,5% (1991 г.), греческое в Албании — 12,3% (1991 г.). Турецкое меньшинство проживает практически во всех балканских государствах, наименее многочисленно оно в Греции, где греки составляют 98% общей численности населения, хотя согласно данным второй половины 80-х годов в ее северных районах существенно возросла численность албанского населения. — Grecic V., Stojcevic M. Ethnic and Minority Conflicts // Rev. of Intern. Affairs [Belgrade]. — 1993. — Vol. 44. — № 1016—17. — P. 20—21.

²² Tzonkov S. Political Changes in the Balkans, Possibilities for Development of Cooperation among the Balkan States // Middle East Business & Banking. — 1992. — P. 44.

²³ Балканите пред избор. Мир или война, европеизация или ребалканизация. — София, 1993. — С. 24.

²⁴ Там же. — С. 25.

²⁵ «Greater Albania»... — P. 47.

²⁶ Veremis T. Op. cit. — P. 10.

²⁷ Подробнее см.: Цехмистренко С. Россия — Греция: формирование новых моделей отношений // Россия на Балканах. — М., 1996. — С. 79—80.

²⁸ La politique balkanique greque de 1990 à 1995 // CSS Survey. — 1996. — July—Aug. — P. 11.

²⁹ Vickers M., Pettifer J. Op. cit. — P. 150.

³⁰ Spano R. Children of a Lesser God? Albania and Albanians between Balkan Dreams and European Images // The Yugoslav Conflict and its Implications for International Relations. — Bologna; Ravenna, 1998. — P. 155.

³¹ Согласно официальным данным в Македонии проживает около 428 тыс. албанцев, в Черногории — свыше 40 тыс. (см.: Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. — М., 1998. — С. 20). Численность албанских мигрантов в Греции колеблется от 100 до 200 тыс. (см.: Spano R. Op. cit. — P. 145). По другим данным, их число достигает 400 тыс. (см.: Сегодня. — 1996. — 4 сент.).

³² Spano R. Op. cit. — P. 174.

³³ Lutovac Z. Minorities: A Wick on the Gun-Powder Barrel? // Rev. of Intern. Affairs [Belgrade]. — 1993. — Vol. 44. — № 1016—17. — P. 36.

³⁴ М. Панич — известный американский предприниматель, глава международного фармацевтического концерна ICN. Уроженец Югославии, в годы второй мировой войны М. Панич участвовал в партизанском движении, а в 1959 г. эмигрировал в США. С июня по декабрь 1992 г. он занимал пост премьер-министра СРЮ. В настоящее время М. Панич оказывает активную поддержку сербской демократической оппозиции.

³⁵ Балканы между прошлым и будущим. — С. 69—70.

³⁶ *Вострухов Е.* Югославский премьер обещает отменить в Косово чрезвычайное положение // *Известия*. — 1992. — 21 авг.

³⁷ Балканы между прошлым и будущим. — М., 1995 — С. 11.

³⁸ Conflict in Kosovo: Failure of Prevention? An Analytical Documentation, 1992—1998. — Schleswig, 1998. — P. 69. — (ECMI Working Paper; № 1).

³⁹ Компас. ИТАР-ТАСС. — 1994. — № 75. — 19 мая. — С. 10.

⁴⁰ Kosovo: Avoiding Another Balkan War. — Athens: ELIAMEP, 1996. — P. 15. В дополненной в 1998 г. версии проекта понятие «широкая автономия» было заменено термином «специальный статус».

⁴¹ Ibid. — P. 6—7.

⁴² Ibid. Омбудсмен — чиновник, рассматривающий протесты граждан к администрации.

⁴³ *Veremis T.* Op. cit. — P. 7.

⁴⁴ Conflict in Kosovo. — P. 1—2.

⁴⁵ Компас. ИТАР-ТАСС. — 1997. — № 47. — 20 нояб.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Conflict in Kosovo. — P. 69.

⁴⁸ Полный текст документа см.: Crisis in Kosovo. Report Political Affairs Committee of the Parliamentary Assembly of Council of Europe. — Strasbourg, 17 March 1998. — Annex 3. — (Doc. 8037).

⁴⁹ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. — 1999. — 13 янв. — СЕ-4.

⁴⁹ *Цехмистренко С.* Указ. соч. — С. 76.

⁵⁰ Реферат статьи К. Хоуп в «Financial Times» (1997. — 1 July) см.: Компас. ИТАР-ТАСС. — 1998. — № 27. — 9 июля. — С. 54.

⁵¹ La politique balkanique greque... — P. 8—9.

⁵² Компас. ИТАР-ТАСС. — 1998. — № 27. — С. 54.

⁵³ *Юсин М.* Югославия признала Хорватию с пятилетним опозданием // *Известия*. — 1996. — 9 авг.

⁵⁴ Conflict in Kosovo. — P. 70.

⁵⁵ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. — 1998. — 16 нояб. — СЕ-9.

⁵⁶ *Veremis T.* Op. cit. — P. 6.

^{56a} До разрешения спорного вопроса о названии страны в ООН принято использовать название «бывшая югославская республика Македония». — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Если в 1981 г. в Македонии насчитывалось 377,7 тыс. албанцев, то в 1991 г. — уже 427,3 тыс. (при общей численности населения около 2 млн). См.: *Мартынова М. Ю.* Указ. соч. — С. 18—20.

⁵⁸ Keesing's Record of World Events. — 1997. — Vol. 43. — № 2. — P. 41506.

⁵⁹ *Isakovic Z.* International Position of Macedonia and the (Sub)Regional Cooperation in the Balkans // *Romanian J. of Intern. Affairs [Bucharest]*. — 1998. — Vol. 4. — № 3—4. — P. 246.

⁶⁰ *Кнежевић П.* То би запалио цео регион // *Политика [Белград]*. — 1998. — 17—18 окт.

⁶¹ *Öschlies W.* Kosovo'98 (II) // *Breitenwirkung und (mögliche) Lösungen des Konflikts*. — 1998. — № 21. — P. 9.

⁶² Macedonia: New Faces in Skopje / Intern. Crisis Group. — Brussels, Jan. 1999. — P. 9—10.

⁶³ Ibid. — P. 4.

⁶⁴ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты. 1999. — 12 февр. — СЕ-3.

^{65—66} Macedonia: New Faces... — P. 2.

⁶⁷ Keesing's Record... — P. 41504.

⁶⁸ См.: *Добер Э.* На переговорах по Косово решится судьба Черногории // *Известия*. — 1999. — 5 февр.

⁶⁹ Conflict in Kosovo... — P. 41504.

⁷⁰ *Vickers M., Pettifer J.* Op. cit. — P. 165.

⁷¹ См.: *Добер Э.* Доктор Бериша не смирился с поражением // *Рус. телеграф*. — 1998. — 18 сент.; см. также: *Flieder P.* Kosovo wird Europas Alptraum // *Neue Krone Zeitung*. — 1998. — 10 Okt.

⁷² Подробнее см.: *The State of Albania*. — Brussels, Jan. 1999. — (Intern. Crisis Group Report).

⁷³ Ibid. — P. 7.

⁷⁴ *Potezica O.* The Islamic Factor in the Balkans // *Rev. of Intern. Affairs*. — 1993. — № 1016—17. — P. 31.

⁷⁵ Бългaрия — Македония. Партньори без скрити намерения // *Политика [София]*. — 1999. — 27 февр.—5 март.

⁷⁶ Дума [София]. — 1998. — 26.11.

⁷⁷ См.: *Горностаев Д.* У России и Болгарии немало противоречий // *Известия*. — 1999. — 4 февр.

⁷⁸ См.: Пульс планеты. — 1998. — 26 окт. Помаки — славяне, принявшие ислам в годы османского господства.

⁷⁹ Денов Л. Пращаме войски в Косово? През България ще минат главно турски умиротворителни части, твърди Би Би Си // 24 часа [София]. — 1999. — 27.02.

⁸⁰ См.: Петровская Ю. Россия заинтересована в стабильной Центральной Европе // Независимая газ. — 1998. — 19 дек.

⁸¹ Мартынова М. Ю. Указ. соч. — С. 318.

⁸² Raffone P. The Refugees in the Former Yugoslavia Have Got May-be Rights but No Deeds // Südosteuropa. — 1996. — 45 Jgh. — 4—5. — S. 374.

⁸³ См. диаграмму о потоках беженцев из Косово: Politik [Wien]. — 1998. — 11 Okt. — F. 3.

⁸⁴ Пульс планеты. — 1999. — 11 февр.

⁸⁵ См.: Некрасов И. Ни разрубить, ни развязать. Косово — заложник противоположных интересов // Известия. — 14 января 1999.